

Голованов Борис Дмитриевич

"ЗДЕСЬ-И-СЕЙЧАС" КАК КАТЕГОРИЯ НАЧАЛА

В статье рассматривается состояние "здесь-и-сейчас" в качестве начала философской рефлексии. Это начало берется не только как теоретическое понятие, но и как факт персональной реальности философа. Исследуются факторы, препятствующие возвращению к началу. Внимание уделяется естественно-научной установке и ценностным идентификациям. Уясняется место философии и практической психологии в освоении состояния "здесь-и-сейчас".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

В статье рассматривается состояние «здесь-и-сейчас» в качестве начала философской рефлексии. Это начало берется не только как теоретическое понятие, но и как факт персональной реальности философа. Исследуются факторы, препятствующие возвращению к началу. Внимание уделяется естественно-научной установке и ценностным идентификациям. Уясняется место философии и практической психологии в освоении состояния «здесь-и-сейчас».

Ключевые слова и фразы: начало; философская рефлексия; феноменология; естественно-научная установка; идеология.

Голованов Борис Дмитриевич, к. филос. н., доцент

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина

Golovanov2003@list.ru

«ЗДЕСЬ-И-СЕЙЧАС» КАК КАТЕГОРИЯ НАЧАЛА[©]

Подводя итог своим философским изысканиям, Э. Гуссерль писал: «...каждый, кто всерьез хочет заняться философией, должен раз в жизни вернуться к самому себе и, ниспровергнув в себе все до сих пор имевшие для него значимость науки, постараться заново их построить» [5, с. 64]. Философия, несмотря на всеобщность своего строения, может состояться только как всецело личное дело философствующего.

Постоянное возвращение к началу как залог подлинного философского исследования было провозглашено Г. Гегелем во введении к «Науке логики». В XX веке этот принцип стал не только законом интеллектуального, научного исследования, но и движущим началом практического разума. Достижение тотального присутствия в мире через возвращение к началу стало практическим принципом многих мировоззренческих доктрин, ориентированных на эволюцию человека.

Проблема истинности научного познания – это и проблема истинности познающего субъекта, проблема неисчерпанности его бытия познавательной деятельностью. С момента рождения ребенка общество дисциплинирует его и заставляет делать то, что не является для него естественным, тем самым оно разрывает энергетический канал, связывающий ребенка с его природной основой, с его сущностными силами. Это происходит настолько болезненно и драматично, насколько само общество и формирующие его отношения не соответствуют своим природным основаниям. Отрывая ребенка от его естественного начала, современное общество формирует в нем новый центр притяжения, вокруг которого разворачивается процесс социализации. Новый, во многом фальшивый центр становится стержнем формирующегося индивидуального сознания, а первичный, естественный центр перемещается в тень, в сферу подсознания. Одновременно формируется защитный механизм – система установок и ценностных ориентаций, – закрывающий индивиду возвращение к естественному центру. Современная цивилизация, сообщая ребенку начала науки, погружает его в мир всеобщих абстракций, тем самым отдаляет его от естественного начала.

Духовная жизнь индивида, поработанного социальными условностями, рассматривается критическими направлениями философской мысли¹ как череда бессознательных попыток вырваться из-под диктата безлично-всеобщего и встать на путь сознательной индивидуализации (см.: [4]). Эти ретроградные интенции возвращения к первоистокам природной индивидуальности в качестве спонтанных импульсов присущи всем людям, но только в исключительных случаях они приносят очевидный для окружающих результат. В большинстве своем сознательные порывы к естественному центру предстают как бесконечная череда эмоциональных колебаний, разрушительно действующих на личность и систему её общественных связей.

Философ, обращающийся к основаниям теоретического мышления, не в состоянии чудесным образом избежать хаотической смены эмоционально-психологических состояний, которой подвержены подавляющее большинство представителей человеческого рода. Единственное его преимущество заключается в том, что ему в большей мере открыта возможность сознательного вторжения в бессознательную сферу. Обращаясь к началу научной теории и своего собственного мыслительного опыта, философ по необходимости становится психологом и психотерапевтом для самого себя. Многочисленные психологические техники, созданные за последнее время для массового употребления, не могут некритически заимствоваться философом. Исследование антропологического содержания методов современной практической психологии и психологической науки должно стать необходимым этапом на пути к исходным основаниям философских построений.

Как найти тот пункт, ту точку сборки, на которую указывает пересечение линий теоретического мышления и практической психологии? На наш взгляд, таким перекрестком двух направлений познания может быть категория «здесь-и-сейчас». Эта категория непосредственно демонстрирует единство чувственного созерцания,

[©] Голованов Б. Д., 2013

¹ Существует целый спектр философских направлений, критически рассматривающих процесс социализации индивида, к ним можно отнести фрейдизм и неотрейдизм (В. Райх, К. Хорни, Ж. Лакан), фрейдомарксизм (Г. Маркузе, Э. Фромм), философские системы современного Востока, например, направление, развивавшееся Ошо Раджнишем, и др.

продуктивного воображения и теоретического мышления. Указанные характеристики категории «здесь-и-сейчас» были замечены еще Г. Гегелем, который использовал её как исходный пункт в построении феноменологии духа. В дальнейшем внутреннее состояние человеческого духа, обозначенное в философии как «здесь-и-сейчас», неоднократно становилось предметом исследования различных философских направлений.

Феноменологический тип философствования возник как исследование многообразного и перманентно индивидуализирующегося «здесь-и-сейчас», являющегося ступенью духовного развития конкретного мыслителя. Естественным шагом в развитии категории стало появление многочисленных направлений практической психологии, отслеживающих кристаллизацию «здесь-и-сейчас» в различных типах личности, характерных для западной цивилизации. В психологии в отличие от философской феноменологии внимание сосредоточено не на категориальном значении «здесь-и-сейчас», а на его конкретном содержании и функционировании в структуре личности. Взятое как факт личностного роста, конкретное «здесь-и-сейчас» лишь имплицитно сохраняет свои категориальные характеристики начала. Категориальная определенность «здесь-и-сейчас» как начала – это специфическая черта внутреннего мира философа. В отличие от философа психолог рассматривает «здесь-и-сейчас» как одно из состояний психической организации индивида. Для него важен психологический механизм возвращения к «здесь-и-сейчас». Поскольку «здесь-и-сейчас» философа также изменчивы как «здесь-и-сейчас» обычного человека, то невозможно внешним образом, с помощью психологических средств диагностировать, какое из этих состояний является естественным началом центрирования внутреннего мира индивида. Психологу необходимо пуститься в философское познание самого себя, чтобы продвинуться по пути психологической науки и собственной индивидуализации.

Феноменология восстанавливает диалектическую природу истинного познания. Один из основателей экзистенциализма М. Хайдеггер писал: «Быть истинным и истина означают здесь согласованность, а именно согласованность двоякого рода; с одной стороны, совпадение вещи с тем, что о ней мыслилось раньше, и с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании с вещью. Этот двойственный характер согласования отражает традиционное определение сущности истины: *veritas est adaequatio rei et intellectus*. Это может означать: Истина есть приравнивание вещи к познанию. Но это может также говорить следующее: Истина есть приравнивание познания к вещи» [7, с. 10-11]. Оба понятия истины подразумевают разную направленность мышления, но мыслят вместе с тем истину как правильность и согласованность.

Однако согласованность вещи и мышления вовсе не означает простое их тождество, тем более что в каждом конкретном случае она может означать совершенно различное. Для нас важно то, что ситуация «здесь-и-сейчас» как пункт бифуркации мыслительного процесса в принципе амбивалентна и проблематична, в силу чего она выводит мыслящего индивида за границы данного, то есть трансцендирует человеческое существование. Феноменология делает эту амбивалентность достоянием сознания философствующего индивида и тем самым указывает на границы его познавательных возможностей как разумного существа. Таких фундаментальных ограничений можно выделить два: естественная установка позитивной науки и система ценностных установок, господствующих в общественном сознании.

Современная наука во многом находится во власти естественной установки, бессознательно перенося объективные характеристики вещей в сферу человеческого мышления. Опыт визуального наблюдения образует неявное основание физико-математического познания, которое в свою очередь задает познавательные модели для всех остальных наук и научных дисциплин. Обращенный вовне опыт объективного наблюдения ставит естественную границу для контакта индивида с миром, таким образом, индивид своей собственной активностью создает замкнутый круг эпистемологического действия. Определенная механико-математическая реальность, понимаемая как условие упорядочения фактов наблюдения, одновременно оказывается условием познания, т.е. возможной формой восприятия и наблюдения соответствующих фактов.

Механико-математическая реальность становится не только основанием научного исследования, она становится основой продуктивного воображения как такового. Лирический герой поэзии XX века нередко полностью находится во власти господствующей научной установки.

«Я дух механики. Я вещества.
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер – небес и поднебесья,
Я гений чисел, я счетчик, я глава...
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака» [1, с. 146].

Поэт не может абстрагироваться от целостности мира, он душой чувствует, что механико-математическая реальность мира чревата хаосом теории вероятности, что наряду с ней существуют другие не менее важные для человека реальности. Мы, дети современной цивилизации, начинаем путь к себе, к основам своей собственной философии с пустынных берегов рационально-механического мира, но, пройдя в состоянии «здесь-и-сейчас» точку единения с бытием, попадаем в свой собственный мир, творимый нашим внутренним поэтом.

Естественно-научное сознание, задающее порядок обретения мира современному индивиду, изначально несет в себе мощнейший заряд скептицизма, разрушающий социальные авторитеты и господствующие иллюзии. Переход в состояние «здесь-и-сейчас» перемещает индивида к основаниям бытия и лишает его сознание опоры в господствующем «порядке обретения». Возвращение к первоначальному увеличивает степень свободы индивидуального действия, возвышая её до «божественного» уровня, но разрушает все конкретно-исторические ориентиры, на которые опиралось сознание индивида до сих пор. Еще Г. Гегель в «Феноменологии духа»

отмечал, что естественное сознание, пытающееся вернуться к своей духовной основе, попадает в пространство «головокружительного движения беспрестанно себя порождающего беспорядка. Оно есть этот хаос для самого себя, ибо оно само поддерживает и производит этот движущийся хаос» [3, с. 111]. В локусе своего собственного начала индивид становится творцом своего мира, он свободно выбирает судьбу, но и несет полную ответственность за результаты своего творчества.

Развивая феноменологию, М. Хайдеггер пошел по пути онтологически-позитивного определения человеческого «здесь-бытия»... «Бытие человеческого “здесь-бытия” обрело для Хайдеггера онтологическую предметность, и вследствие этого его философия стала “фундаментальной онтологией”» [2, с. 119]. Личностно-прожитые философем категории прежней метафизики в философском мире М. Хайдеггера превратились в экзистенциалы, и в этом качестве они выражали энергичный протест, с одной стороны, против бесплодного позитивизма, с другой стороны, они были решительно противопоставлены основным понятиям прежней метафизики. *Dasein* М. Хайдеггера – это намек на полноту бытия в мире, на тотальность вешного бытия, на исчерпанность полноты индивидуализации.

«Здесь-бытие» – конечный пункт инзистенции (движения вовнутрь) и переход её в экзистенцию (движение к внешнему существованию). Инзистенция «здесь-бытия» коренным образом отличается от плоского перебирания предметного содержания сознания, без малейшего усилия направленного на него проживания. Бессмысленное накапливание «объективной» информации без выявления её личностного смысла представляется скольжением по поверхности бессознательного, без каких-либо попыток погрузиться в его глубины. Расплатой за нескончаемые блуждания может быть полная потеря устойчивости сознания, выражающаяся в потере веры и распаде внутреннего мира человека на противоборствующие друг другу субличности. Использование понятийного мышления только в аспекте накопления информации уравнивает человеческое мышление и машинный интеллект, окончательно приспособливает человеческое сознание к механико-математической реальности.

Возможности цивилизованного переживания полноты бытия современным человеком задаются параметрами механико-математической реальности, хотя и облаченной в виртуально-компьютерные одежды. В нашем постоянно расширяющемся опыте мы, хотя и обретаем полноту в себе сущих фактов, созерцание которых не сводимо к перемещению в пространстве, но порядок этого «обретения» таков, что такие определения вещей, как форма, пространственное расположение и перемещение, мы обретаем «сначала», так что, согласно приоритету используемых разумом абстракций, они должны быть даны в первую очередь. Таким образом, если мы должны осознать пребывающие в том же локусе мира какие-то другие качества вещей, например, цвет, вкус, ценность чего-либо, то это возможно лишь на основе однозначного определения новых качеств через механико-математическую модель мира, в противном случае мы разрушили бы, по крайней мере, для себя, порядок обретения и селекции.

Эта змея, кусающая свой хвост, задает ригидную модальность научного сознания, поддерживающую интенцию сознания индивида, вставшего на путь научного исследования. Чем большую энергию вкладывает индивид во вращение колеса научной селекции, тем большую устойчивость обретает механико-математическая картина мира в его мышлении и восприятии. Многие современные исследователи обращают внимание, что развитие и расцвет нового порядка обретения совпадает с крушением религиозного сознания (конец XVIII века) и возникновением новых способов поддержания веры (устойчивости сознания) в форме политических идеологий. Использование научных форм различными идеологическими сообществами зашло настолько далеко, что большинство современных идеологий, независимо от своего действительного происхождения, пытаются в своей, как правило, мифологической родословной подчеркнуть несомненную близость к науке.

Предложенное понимание «здесь-и-сейчас» дает основания сделать следующие выводы о характере философского возвращения к началу.

Во-первых, подлинное философствование не ограничивается познанием внешнего мира, оно одновременно есть познание самого себя, то есть вполне индивидуально. Единство внешнего и внутреннего превращает философские понятия в экзистенциалы.

Во-вторых, характер соотношения внешнего и внутреннего в философском познании наиболее доступен индивидуальному сознанию в ситуации «здесь-и-сейчас». Только через попадание в состояние «здесь-и-сейчас» возможно возвращение к началу философской рефлексии.

В-третьих, главными препятствиями для возвращения к истокам сознательной индивидуализации являются бессознательное воспроизведение логики обретения эмпирических фактов, характерной для физико-математического познания, и навязывание индивидуальному сознанию ценностных идентификаций.

Список литературы

1. **Волошин М.** Коктебельские берега: стихи, рисунки, акварели, статьи. Симферополь: Таврия, 1990. 248 с.
2. **Гадамер Г.** Введение (к работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения») // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 117-132.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Т. 4. 488 с.
4. **Грибов И. А.** Персональная идентичность: понятие и пути формирования в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 49-52.
5. **Гуссерль Э.** Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998. 315 с.
6. **Платон.** Диалоги. Харьков: Фолио, 1999. 384 с.
7. **Хайдеггер М.** Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.

“HERE-AND-NOW” AS CATEGORY OF BEGINNING

Golovanov Boris Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute”, Ukraine
Golovanov2003@list.ru

The author considers the state of “here-and-now” as the beginning of philosophical reflection, tells that this beginning is taken not only as a theoretical notion, but as a fact of the philosopher’s personal reality, studies the factors preventing the return to beginning, pays attention to natural-scientific attitude and value identifications, and ascertains the place of philosophy and practical psychology in mastering the state of “here-and-now”.

Key words and phrases: beginning; philosophical reflection; phenomenology; natural-scientific attitude; ideology.

УДК 910:94(47):911.375

Культурология

В данной статье рассматриваются классические методы, с помощью которых возможно эффективное научное изучение малых улиц исторических городов. Дается сравнение исследовательского инструментария, характерного для историко-архитектурного, историко-генетического, индуктивного краеведческого методов. Раскрыты особенности различных направлений компаративистики, применимых для рассмотрения малых улиц. Особое внимание уделено перспективам и пределам классической парадигмы изучения городской среды, обусловленным технологическим прогрессом.

Ключевые слова и фразы: малые улицы; методологический подход истории архитектуры; индуктивный метод; компаративистика; историко-генетический метод.

Гольдин Павел Зиновьевич

г. Москва

grado-sreda@inbox.ru

ИЗУЧЕНИЕ МАЛЫХ УЛИЦ: КЛАССИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ[©]

В традициях классической научной парадигмы малые улицы исторического города могут быть рассмотрены с применением общего подхода к порядку научного поиска, начало которому было положено еще Аристотелем. Условием приближения к достоверности (но не самой достоверности) является здесь либо максимально возможный охват эмпирического материала исследования [8, с. 67] в очерченных границах, то есть попытка достичь полной индукции, либо максимально возможное углубление в узком диапазоне изучения.

Традиционный методологический подход истории архитектуры как классической научной дисциплины, как правило, строится на основе описания избранных объектов в широком диапазоне от города до здания или архитектурной детали, причем механизм описания детерминирован многократно апробированными алгоритмами. Основными целями исследований в данном научном направлении являются историко-генетический анализ архитектурных форм и моделей, изучение динамики архитектурной мысли, разработка типологии архитектурных объектов. К классической исследовательской парадигме, в рамках которой постепенно смещаются проблемные приоритеты, вполне можно отнести ряд новых методов теоретического и исторического архитектуроведения последних двух десятилетий: формально-стилистический, иконографический, позволяющий проследить судьбу прототипов, а также микросоциологический, рассматривающий взаимоотношения заказчика, заказчика и критика [1, с. 609-611]. Обновление методологии коснулось смещения интереса к пониманию смысла и значения архитектурной формы [Там же, с. 611], то есть той же базовой классической сущности архитектуры, традиционно описываемой количественными и качественными показателями.

При этом «здесь нет гарантии того, что закономерности, установленные на ограниченном количестве объектов, оказываются присущими всем объектам, а это не исключает возможности подгонки, часто неосознаваемой, под предварительную гипотезу или концепцию... Основой научной стратегии изучения истории архитектуры... должна служить наиболее полная коллекция объектов исследования» [11, с. 26].

До сегодняшнего дня может эффективно использоваться характерный для классической парадигмы **индуктивный методологический подход**, активно применявшийся основателями отечественного историко-социального краеведения И. М. Гревсом, Н. П. Анциферовым, их учениками и последователями. Феномены города в их работах отождествляются с объектами экскурсионного изучения.

Программы, разработанные теоретиками отечественного краеведения в середине 1920-х гг., были ориентированы на «всестороннее обследование» местности: «...жизнь от нас требует, чтобы намеченная цель краеведческой работы отнюдь не была узка» [4, с. 5]. Предлагаемые программы делились на разделы изучения рельефа, геологии, климата, деятельности человека в области сельского хозяйства, фабрично-заводской промышленности и т.д. Все разделы и темы отдельных разделов должны были связываться между собой по содержанию и причинной связи; при этом каждый раздел обязан был иметь законченный характер. Обследование производительных